

УДК 94(47) + 94(100) "1914/19"

ББК 63.3(2)535-68 + 68.49

Российская дипломатия в борьбе за национальные интересы в годы Первой мировой войны

Е.И. Темчук

Военный университет Министерства обороны (Москва, Россия)

Russian Diplomacy in the Struggle for National Interests during World War I

E.I. Temchuk

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Статья освещает комплекс важнейших геополитических вопросов, стоявших перед Российской империей во время первого глобального конфликта 1914–1917 гг., а также усилия отечественной дипломатии, направленные на их разрешение в выгодном для страны русле в условиях сложного противостояния великих держав. Актуальность тематики обусловлена недостаточно глубоким анализом борьбы на дипломатическом фронте Первой мировой войны и поверхностным представлением о целях и мотивах российского императорского правительства в его действиях на мировой арене в отношении как противников из блока Центральных держав, так и союзников по Антанте. В ходе исследования была прослежена эволюция внешнеполитического курса России от начала боевых действий до периода революционных потрясений, причинно-следственные связи решений ее руководства по ходу развития мирового конфликта, а также дана объективная оценка результатам этой работы в достижении окончательного воссоединения своих этнических территорий, создании и консолидации вокруг себя новых славянских государств, реализации прав на «византийское наследство».

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, Антанта, Центральные державы, славянский вопрос, восточный вопрос.

DOI: 10.14258/izvasu(2022)6-05

Любая война, помимо непосредственно боевых действий между государствами или коалициями государств, включает в себя и борьбу на дипломатическом фронте за достижение своих национальных, экономических, стратегических интересов и за более выгодные условия послевоенного мира, ведущуюся не только среди противоборствующих блоков, но и внутри самих во-

Article covers a complex of the most important geopolitical questions facing Russian empire during the first global conflict of 1914–1917, and also the efforts of domestic diplomacy directed on their decision in a favorable course for the country in the conditions of a difficult confrontation of great powers. Relevance of the topic is conditioned by insufficiently deep analysis of the struggle on the diplomatic front of the First World War and superficial idea about the aims and motives of the Russian imperial government in its actions on the world arena in relation to both the enemies from the bloc of the Central Powers and the Entente allies. In the course of the research the author has traced the evolution of Russian foreign policy from the beginning of military operations to the period of revolutionary upheavals, the cause-and-effect relationships of decisions of its leadership in the course of the world conflict, and also gives an objective assessment of the results of this work in achieving the final reunification of its ethnic territories, creation and consolidation around itself of new Slavic states, realization of rights for the "Byzantine heritage".

Key words: World War I, Russian Empire, Entente, Central Powers, Slavic question, Eastern question.

енно-политических союзов. И если у Центральных держав, в силу бесспорного доминирования Германской империи над своими сателлитами, это было не столь заметно, то в Антанте, возглавляемой целой группой стран-лидеров, проявилось в высшей степени ярко. Не стали здесь исключением и взаимоотношения Российской империи с ее основными партнерами.

Пристальный интерес к внешнеполитической деятельности царской России стал проявляться почти сразу после революции 1917 г. в целях дискредитации прежнего правительства прежде всего со стороны пришедших к власти большевиков, обнародовавших ряд его прежде секретных договоренностей, заключенных в годы войны с другими государствами, а позже опубликовав в специальных документальных сборниках. Среди этих изданий стоит выделить «Сборник секретных документов из архива бывш. Министерства иностранных дел», «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг.», «Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел», «Сборник договоров и других документов по истории международных отношения на Дальнем Востоке (1842–1925)». Сюда же можно отнести личные источники непосредственных участников тех событий, в том числе М. Палеолога, С.Д. Сазонова, Ф. Фоша, князя Николая Николаевича. Однако с точки зрения комплексного изучения и беспристрастной оценки усилий отечественной дипломатии большую ценность представляют монографии таких современных авторов, как Ю.Е. Победоносцев, Д.Л. Зыкин, А.И. Уткин, С.А. Романенко, а также многотомные фундаментальные исследования — «История внешней политики России» в пяти томах и «Первая мировая война 1914–1918 годов» в шести томах.

Касаясь темы участия России в Первой мировой войне, до сих пор можно столкнуться с укоренившимся в советской историографии утверждением, что страна вступила в конфликт безо всякой внятной мотивированной цели, из-за неравных «союзнических обязательств», «внешних долгов», «отсталости» была вынуждена постоянно следовать на поводу у своих союзников без реальной возможности претендовать на что-либо существенное. Безусловно, зачастую «Сердечное согласие» на деле оказывалось далеко от соблюдения принципов настоящего боевого братства, каждый из его участников так или иначе старался навязать свою позицию, урвать кусок побольше или же обделить союзника, вне зависимости от высоты своего положения в коалиционной иерархии. Подобные попытки со стороны правящих кругов Франции, Великобритании и Италии имели место и в отношении России, воспринимаемой ими как «паровой коток» и «бессознательная масса», призванная, не считаясь с потерями, задавить неприятеля и обеспечить им победу [1, с. 20].

Тем не менее при углубленном рассмотрении деятельности отечественной дипломатии в 1914–1917 гг. нельзя признать справедливость версии об абсолютно ведомой и зависимой от воли Антанты российской политике, даже невзирая на отдельные, порой необходимые в такой обстановке уступки. При всем

давлении, оказываемом на империю, и изменчивом характере боевых действий ее внешнеполитическое ведомство прилагало все усилия к разрешению наиболее важных вопросов на мировой арене, с которыми России приходилось иметь дело не одно десятилетие. Актуальность данного исследования определяется не только необходимостью установления максимально подлинной картины минувших событий, но и изучения исторического опыта решения важных задач на мировой арене посредством борьбы на дипломатическом поприще, особенно на фоне динамичного развития кризисной ситуации на границах России в настоящее время.

Стоит отметить, что в годы Великой войны, как называли в то время Первую мировую войну, происходило серьезное реформирование центрального аппарата Министерства иностранных дел, обусловленное введением принятого 11 (24) июня 1914 г. закона о новом «Учреждении МИД» и условиями военно-политической борьбы с противником. Данный закон существенно расширил задачи МИД, в частности, добавив: «покровительство и защиту в чужих краях русских экономических интересов и, в особенности, развитие торгово-промышленных сношений России», а также «заботу о поддержке и о достойном положении православия за границей и об укреплении русского влияния на почве церковных интересов». Специальной задачей внешнеполитического ведомства было признано «всестороннее наблюдение за явлениями политической и общественной жизни в иностранных государствах, поскольку таковые затрагивают внешние политические и иные интересы России» [2, с. 303–304].

Впервые вопрос послевоенного мироустройства был поднят русской дипломатией уже вскоре после начала Великой войны — 1 (14) сентября 1914 г. — на встрече министра иностранных дел России С.Д. Сазонова с английским и французским послами, на которой тот от имени императора как главного арбитра в вопросах российской внешней политики выдвинул следующую предварительную программу будущих территориальных изменений:

«1. Присоединение к России нижнего течения Немана, Восточной Галиции, переход Познани, Силезии и Западной Галиции к будущей Польше.

2. Возвращение Франции Эльзас-Лотарингии, передача ей «по ее усмотрению» части Рейнской области и Палатината.

3. Значительное увеличение Бельгии за счет германских территорий.

4. Возвращение Дании Шлезвига и Гольштейна.

5. Восстановление Ганноверского королевства.

6. Превращение Австро-Венгрии в триединую монархию, состоящую из Австрии, Чехии и Венгрии.

7. Передача Сербии Боснии, Герцеговины, Далмации и северной Албании.

8. Вознаграждение Болгарии за счет сербской Македонии и присоединение к Греции южной Албании.

9. Передача Валоны Италии.

10. Раздел германских колоний между Англией, Францией и Японией.

11. Уплата военной контрибуции» [3, с. 272].

Схожие проекты, изложенные императором Николаем II, приводит в своих воспоминаниях французский посол Морис Палеолог, из чего свидетельствует, что русское правительство стремилось проводить в жизнь собственную волю на международной арене. При этом территориальные приобретения России по изначальным замыслам Петрограда отличались умеренностью.

Согласно предварительным наброскам будущих границ в Европе, Россия претендовала здесь лишь на небольшую, населенную литовцами, полосу земли в нижнем бассейне Немана, т.е. предполагалось незначительное исправление границы только из стратегических соображений. Основные же уступки Германия должна была сделать в пользу воссоединенной из всех трех частей автономной (в унии с Российской империей) Польши — Познань и часть Силезии. Позже, ввиду затягивания войны и возросших потерь сверх всех предвоенных расчетов, сопоставимо возросла и цена будущей компенсации, в соответствии с чем «исправленная граница» проходила уже по левому берегу Вислы, отдавая, таким образом, всю Восточную Пруссию в собственность российской короны [4, с. 130].

У Австро-Венгрии предполагалось аннексировать Восточную Галицию, населенную соплеменниками-карпатосами. 5 (18) августа 1914 г. верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич издал манифест «Русскому народу!», обращенный к галицким русинам, где открыто провозглашалась историческая необходимость «завершить дело великого князя Ивана Калиты» [5, с. 11–12]. Некоторая неопределенность присутствовала разве что в отношении Буковины, имевшей своеобразную обособленность от Галичины, и заключалась она во внешнеполитическом факторе взаимоотношений с соседней Румынией. Учитывая преобладание румынского населения в южной части области и стремление Антанты заполучить нового союзника на Балканах, власти Российской империи были вынуждены более осторожно подходить здесь к вопросу своих будущих границ. Так, в 1915 г. по территории Буковины состоялась инспекционная поездка камер-юнкера В.Н. Муравьева с целью определения реальных пределов проживания русин и состава населения районов [6, л. 18.], которые Петроград считал бы уместным уступить Бухаресту в уплату за лояльность на основании этнокультурного фактора.

В ходе дальнейшего развития конфликта, выраженного в переменах стратегической обстановки и баланса сил, вовлечения новых участников, возрастания людских и материальных потерь, следовательно, и государственных амбиций в получении достойной компенсации за жертвы и усилия, принесенные нацию на алтарь победы, эволюционировали и представления о стоявших перед страной внешних задачах. Так, к примеру, данную тенденцию можно проследить по ряду высочайших императорских приказов по армии и флоту по итогам кампаний 1915, 1916 гг., в которых подробно и доходчиво сформулированы цели на будущее и важность их достижения. Позже, во время межсоюзной конференции, проходившей в Петрограде в январе-феврале 1917 г., Россия в обмен на «французские предположения относительно определения западных границ Германии» в свою очередь добилась от последней признания «полной свободы в деле определения ее западных границ» [7, с. 106–107].

В качестве обоснования «провальности» внешней политики России времен Первой мировой войны часто приводят ее самоотверженную верность в исполнении своих союзнических обязательств, преподносящуюся как неспособность проводить самостоятельный стратегический курс. С точки зрения сторонников данной теории, русское командование, оказывая помощь прочим членам Антанты, думало в первую очередь о союзнике, а свою армию каждый раз бросало в неподготовленное наступление, завершавшееся если не крахом, но тяжелыми потерями. Тем самым создается впечатление, что императорское правительство вело войну не за свои, а за чужие интересы. В западной историографии также нередко можно встретить утверждение, что хотя Россия являлась важным союзником, равным Англии и Франции, в силу некоторых зависимостей считалась таковым лишь формально и была вынуждена потакать своим партнерам [8, р. 169]. Однако при этом поверхностном взгляде упускается самое главное — поскольку Первая мировая война носила коалиционный характер, то и Российская империя действовала не только в рамках индивидуальной, но и общей стратегии Антанты, без чего сошло бы на нет любое военное-техническое и численное превосходство «Сердечного Соглашения» над Центральными державами.

Как хорошо известно, военный план Второго рейха базировался на идеях Шлиффена, который, будучи главой немецкого Генерального штаба, разработал стратегию войны Германии на два фронта. Предполагалось сначала быстрым ударом разгромить Францию, а потом, развернувшись, всей мощью обрушиться на Россию, чего ни в коем случае нельзя было допускать. Чтобы сорвать немецкий блицкриг, по задумке которого взятие Парижа планировалось за 39 дней, русскому командованию нужно

было действовать максимально быстро. Этим и объясняется посредственная на первый взгляд подготовка операции в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г. Предприняв наступление на Германию и Австро-Венгрию, нанеся последней страшное поражение, Россия в первую очередь спасала не Францию или даже не «братскую» Сербию, а себя, воюя за свои интересы, а не за чужие. Она вполне справилась с задачами, как бы мы ни оценивали ущерб от жертвы, принесенной в болотах Восточной Пруссии (нужно отметить, непомерно раздутой германской пропагандой, что впоследствии было безоговорочно принято на веру советской исторической наукой) [9, с. 103–104].

По сути именно своевременное русское вмешательство сорвало весь стратегический замысел Германии по молниеносному разгрому своих врагов поодиночке, вместо чего та была вынуждена заплатить за один тактический успех изнурительным противоборством на нескольких фронтах. «Если Франция не была стерта с лица Европы, то этим прежде всего мы обязаны России,» — честно признавал верховный главнокомандующий союзными войсками французский маршал Фердинанд Фош [10, с. 186]. Даже такой откровенный недоброжелатель России, как британский премьер-министр Ллойд Джордж, утверждал в 1939 г.: «Идеалом Германии является и всегда была война, быстро доводимая до конца... В 1914 г. планы были составлены точно с такой же целью, и они чуть-чуть не были достигнуты, если бы не Россия... Если бы не было жертв со стороны России в 1914 г., то немецкие войска не только захватили бы Париж, но и их гарнизоны по сие время находились бы в Бельгии и Франции» [11, с. 66].

Бесспорно, в дальнейшем России еще не раз пришлось выручать своих союзников, не устаиваясь при этом особой благодарности за свои усилия. Так, в январе 1916 г. взятие ключевой османской крепости Эрзерум с лихвой компенсировало неудачу англо-французского десанта в Галлиполи, в марте — организованная в крайне неблагоприятных условиях весенней распутицы атака у озера Нарочь подарила французам две недели затишья для латания дыр в своей обороне под Верденом, а летом — крупномасштабное наступление Юго-Западного фронта, ставшее самым выдающимся событием года по масштабу захваченной территории, по количеству уничтоженных и взятых в плен солдат противника, спасло от разгрома Италию. К концу же 1916 г. список спасенных пополнился еще и Румынией, ради чего русской Ставке пришлось в экстренном порядке снимать по целой армии с каждого из трех европейских фронтов, создавая новый, что поглотило около четверти всех вооруженных сил Российской империи, но позволило отстоять остатки войск и территории незадачливого союзника, а кроме того, растянуть

и фронт противника, что для того было куда более обременительно. Именно благодаря такой последовательности действий, более чем отвечавшей стратегической выгоде России, Германия и ее сателлиты были обречены вести войну на истощение, которой, в конце концов, не выдержали в силу ограниченности своих людских и материальных ресурсов.

Тем не менее при необходимости и Россия могла оказать давление на своих союзников, к примеру, когда в критической для Сербии ситуации осени 1915 г. добилась от тех принятия экстренных мер по спасению своего балканского брата. 23 ноября (6 декабря) 1915 г. Николай II поручил своему представителю на межсоюзном совещании в Стагине генералу от инфантерии Ф.Ф. Палицыну довести до союзников свое твердое желание продолжать оказывать сербам всестороннюю военную помощь, благодаря чему после долгого бездействия, наконец, было принято общее решение, что «сербская армия в возможно скором времени будет перевезена в Салоники» [12, с. 44], где сохранялось союзное военное присутствие.

Особую настойчивость в переговорах с союзниками Россия проявила в вопросе о передаче заветных проливов Босфора и Дарданеллы, что на тот момент считалось важнейшей исторической задачей, так как, помимо стратегического и экономического аспектов проблемы, имел место и сакральный фактор в виде города на границе Европы и Азии, с которым в русской истории было связано очень многое, начиная от «Олегова щита на вратах Царьграда», крещения Руси и заканчивая доктриной о «Третьем Риме», имеющем все права на наследие павшего в 1453 г. предшественника. Если в прошлом русские притязания на «Второй Рим» постоянно натывались на коллективное противодействие великих европейских держав, то с выступлением традиционного врага — Османской Порты на стороне Центральных держав в октябре 1914 г. перед Россией открывался «путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря» [13, с. 380].

Еще 13 (26) сентября С.Д. Сазонов выставил дополнительные требования России, относившиеся к Турции: Россия должна получить гарантию свободного прохода своих военных кораблей через проливы. При этом речи о захвате турецкой территории не шло. Вероломная атака Османской империи без объявления войны с последующим открытием боевых действий в Закавказье побудила российского министра иностранных дел 22 февраля (6 марта) 1915 г. поставить вопрос ребром, пригрозив Лондону своей отставкой и возможным пересмотром внешнеполитического курса Петрограда в случае непризнания права России на Константинополь с небольшой прилегающей территорией, включавшей в себя западное побережье Босфора, Мраморного моря, Галлипольский полуостров и южную Фракию

по линию Энос — Мидия. Скорейшее приобретение проливов вообще воспринималась многими представителями русской государственной мысли как дело первостепенной важности, вплоть до того, что контроль России над проливами важнее союза с Антантой. К примеру, посланник в Сербии князь Г.И. Трубецкой писал 9 (22) марта 1915 г. С.Д. Сазонову: «Проливы должны принадлежать нам. Если мы сможем получить их от Франции и Британии, борясь с Германией, тем лучше; если нет, будет лучше получить их в союзе с Германией против всех остальных» [14, с. 130].

Как следствие, 14 (27) марта английский посол в Петрограде Бьюкенен вручил Сазонову меморандум, составленный им на основании инструкций своего правительства, в котором подтверждалось согласие английского правительства на присоединение к России проливов, Константинополя и указанных территорий при условии, что война будет доведена до победного конца и что Великобритания и Франция осуществят свои пожелания за счет Османской империи и «некоторых областей, лежащих вне ее» [15, с. 277].

Стоит также упомянуть такую сторону Восточного вопроса, как Западная (Великая) Армения. Длинная череда русско-турецких войн всегда проходила под знаменем идеи покровительства «единоверным братьям нашим», которые на момент начала Первой мировой войны по большей части были представлены армянским народом, проживавшим на своих исторических землях в Восточной Анатолии. В политических кругах Российской империи не сразу сложился единый взгляд на решение данной проблемы, причем разделение сторонников двух основных точек зрения проходило между представителями дипломатического корпуса и военного командования. Первые, прежде всего министр иностранных дел С.Д. Сазонов, выступали за то, чтобы, ограничившись приобретением ряда таких важных опорных пунктов, как крепость Эрзерум и порт Трапезунд, создать в Азиатской Турции армянскую автономию в объеме шести анатолийских областей и Киликии [16, с. 455]. Вторые же ратовали за прямое включение всех «занятых по праву войны» турецких территорий в состав кавказских владений России на правах обычной губернии в целях последующей колонизации, насчет чего наиболее четко выразился генерал Н.Н. Юденич: «...я нахожу в высшей степени желательным пограничные местности заселять русскими элементами. Когда долины Алашкерта, Даидина, Баязета войдут в границы русской империи, то эти земли необходимо заселять переселенцами Кубани и Дона и таким образом организовать пограничное казачество» [17, с. 356].

В силу геноцида христианского населения, связанного младотурецким режимом, а также се-

рии успешных наступательных операций русской Кавказской армии весной-летом 1916 г., царское правительство пришло к решению о прямом присоединении края к России, что нашло отражение в секретных договоренностях о будущем разделе Турции. 26 (13) апреля 1916 г. Российская империя заключила с Англией и Францией так называемый договор Сазонова — Сайкса — Пико, согласно которому «...Россия аннексирует области Эрзурума, Трапезунда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезунда. Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире-Ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России...» [18, с. 187–188].

Во второй половине XIX — начале XX в. для российского МИДа все большее значение обретает и «славянский вопрос», вначале в отношении Турции, а затем и Австро-Венгрии. В силу все больше набиравшего популярность у русской общественности и политической элиты идеологического течения панславянизма Россия позиционировала себя «славянской империей» «не только по составу населения, но и идеологически...» [19, с. 114], что, в частности, придавало защите Сербии от австрийской агрессии как прагматический, так и принципиальный характер. Тем же именно диктовалась стратегическая заинтересованность Петербурга в создании сильной пророссийской державы южных славян, что в условиях разразившейся войны можно было реализовать путем отторжения у Австро-Венгрии таких древних сербских земель, как Босния, Далмация и Банат (Воеводина). В этом отечественная дипломатия упорствовала не в меньшей степени, чем в отношении собственных территориальных приобретений, хотя это и вступало в противоречие с притязаниями некоторых членов Антанты, главным образом Италии, претендовавшей на адриатическое побережье.

Еще одним важным проектом «славянской политики» Российской империи в контексте Первой мировой войны являлось независимое королевство Чехия, престол которого мог занять претендент из дома Романовых. На Петроградской конференции 1917 г. российские представители приняли самое активное участие в обсуждении по определению будущих границ и политического строя нового государственного образования. Так, в одной из аналитических записок отмечается, что «генерал Гурко придает большое значение более определенному разрешению вопроса о создании нового Чешского государства. Нам следует точно установить, какого рода государство мы стремимся создать из чешских земель. Нами уже глубоко затронута судьба чешского народа, а посему всякие колебания недоступ-

ны. По мнению генерала Гурко, создание молодой Чешской монархии являлось бы для нас более выгодным разрешением вопроса, чем создание Чехии-республики» [20, л. 20–21].

Другой серьезной проблемой славянской направленности, вставшей перед российским правительством с самого начала войны, был польский вопрос, чье разрешение в рамках провозглашенной борьбы за освобождение поработанных германизмом славянских народов стало просто необходимо. По мнению генерала А.П. Куропаткина, «присоединение к России от Пруссии и Австро-Венгрии местностей с преобладающим польским населением и образование автономной Польши прибавит к ряду славянских племен, освобожденных и призванных к новой жизни русской кровью, и польское племя. Русские и поляки, разъединенные 350 лет тому назад начавшейся борьбой за первенство, объединятся с русским племенем под скипетром Русского Царя» [21, л. 105]. Щекотливый вопрос многократно обсуждался в правящих кругах империи, но окончательного решения до революции так и не было принято, однако С.Д. Сазонов, несмотря на заинтересованность некоторых стран Антанты (особенно Франции) в полной независимости Польши, заручился согласием союзников, что населенные преимущественно поляками области Австрии и Германии — Западная Галиция, Силезия, Померания, части Восточной и Западной Пруссии будут переданы в состав единой неразрывной русско-польской унии, при которой император Николай II одновременно являлся и польским королем, сохраняются общие внешняя граница, армия, дипломатическое ведомство, Управление путей сообщения, Министерство двора и Главное управление делами, но учреждается отдельный польский бюджет и законодательство [22, с. 665].

Единственным вынужденным исключением в панславянистских планах русского царя оказалась Болгария из-за ее выступления на стороне Центральных держав против родственных ей Сербии и России. Само собой, подобный шаг болгарского правительства не мог трактоваться в широких слоях русского общества иначе как подлое предательство, что, к примеру, нашло отражение в одном из солдатских писем с фронта в виде пожелания, чтобы «...Софию разгромили, не оставив камня на камне» [23, с. 253]. Однако, чтобы сохранить возможность политического маневра в будущем, российские власти предпочли возлагать вину «за измену славянско-

му делу» исключительно на правящего болгарского монарха, заявив следующее: «Фердинанд Кобургский остался болгарским князем только по имени. Вся его внутренняя политика подготовляла пути к установлению в стране германского влияния... В чудовищном для Болгарии союзе с турками и немцами он отверг все предложения, клонившиеся к благу доверившей ему свои судьбы страны, и пошел войною на Сербию и ее союзников... И ныне, когда Болгария приносится в жертву германскому коварству, Россия все еще не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не подыметя на сыновей русских воинов, легших костями за Болгарию» [24, с. 43].

По сути единственной общей, не вызывающей никаких разногласий внешнеполитической целью стран Антанты, была победа над Германией и уничтожение ее военно-экономического могущества, в остальном же, что касалось непосредственно личных выгод и интересов, внутри коалиции существовало множество противоречий, каждое из которых становилось предметом оживленных дипломатических споров. Потому, воздавая должное тем, кто стоял у руля русской внешней политики 1914–1917 гг., нельзя не признать, что, используя успехи армии и флота и лавируя в переменной геополитической обстановке военного времени, они все же сумели добиться для России максимума выгод в разрешении наиболее важных для нее задач, будь то утверждение русских интересов на Ближнем Востоке, принадлежность черноморских проливов, раздел Австро-Венгрии и прочее. На случай непредвиденных демаршей со стороны коллег по Антанте даже был подписан секретный союзный договор с Японией, к тому же фактически разграничивший Китай на сферы русского и японского влияния и обязывавший обе стороны противодействовать проникновению третьих сил в зону их интересов [25, с. 191–192]. Ясно отдавая отчет в том, что Россия выйдет из войны ослабленной, сотрудники МИДа, тем не менее, считали добытые выгоды ключом, что «откроет перед нею настолько блестящие перспективы в международном отношении, что, несомненно, будущая Россия быстро заставит забыть все испытания военного и послевоенного времени» [26, с. 100]. Несмотря на революционные метаморфозы 1917 г. того же курса продолжило придерживаться Временное правительство, хотя уже с куда меньшими возможностями пожинать плоды достигнутых успехов.

Библиографический список

1. Алексеева И.В. Агония Сердечного согласия. Л., 1990.
2. История внешней политики России : в 5 т. Т. 5: Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 2018.
3. Победоносцев Ю.Е. Гибель империи. Тайные страсти большой геополитики (1830–1918 гг.). М., 2010.
4. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
5. Год войны: с 19-го июля 1914 г. по 19-ое июля 1915 г.: высочайшие манифесты, воззвания Верховного Главнокомандующего, донесения от штаба Верховного Главнокомандующего, от штаба Верховного Главнокомандующего Кавказской армией, от Морского Штаба / пред. А. Оглина. М., 1915.
6. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 135. Оп. 474. Д. 163.
7. Сборник секретных документов из архива бывш. Министерства иностранных дел. Пг., 1917. Т. III.
8. Wallach J.L. Uneasy Coalition. The Entente Experience in World War I. Greenwood Press. Westport, 1993.
9. Зыкин Д. Как обогнали великую историю нашей страны. СПб., 2015.
10. Фош Ф. Воспоминания (война 1914–1918 гг.). М., 1939.
11. Яковлев Н.И. Последняя война старой России. М., 1994.
12. Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. : сборник документов. М., 1940.
13. Мировые войны XX века. Кн. 2: Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002.
14. Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001.
15. Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.
16. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Т. 7, ч. 2. М., 1935.
17. Борьян Д.А. Армения, международная дипломатия и СССР. Ч. 1. М. ; Л., 1921.
18. Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. М., 1924.
19. Романенко С.А. Распад многонациональных государств в Средней Европе в XX в. Австро-Венгерская империя // Общественные науки и современность. 2014. № 6.
20. АВПРИ. Ф. Секретный Архив. Оп. 467. Д. 678/718.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 751. Т. 1.
22. Первая мировая война 1914–1918 годов: в 6 т. Т. 3. Военные действия на сухопутных театрах войны (1916–1918 годы). М., 2015.
23. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: Военный опыт и современность. М., 2014.
24. Тимофеев А.Ю. Русские в Сербии с конца XII до начала XX в. Белград, 2009.
25. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.
26. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории русского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. Кн. 1. М., 1993.